

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА /
THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS

DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2024.53.7>

КОГНИТИВНЫЙ СЦЕНАРИЙ «ГРУСТЬ» В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Научная статья

Буркина Е.В.^{1,*}

¹Волгоградский Государственный Университет, Волгоград, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (elviskryt[at]yandex.ru)

Аннотация

В статье представлен сравнительный анализ репрезентации когнитивного сценария «грусть» в русской и английской лингвокультурах в диахроническом аспекте на материале текстов художественной литературы XIX и XXI вв. Смоделированы когнитивные сценарии «женщина, испытывающая грусть» и «мужчина, испытывающий грусть». Определены основные и вариативные эпизоды, составляющие данные сценарии. Выявлены ведущие языковые средства-репрезентанты выделенных эпизодов в рамках сценариев. Описаны сходства и различия в объективации указанных сценариев с позиций гендера. Установлено, что женщины более склонны к внешним невербальным проявлениям грусти, в то время как мужчины предпочитают внутреннее проживание эмоций, либо прямой разговор (более характерно для английской лингвокультуры).

Ключевые слова: когнитивный сценарий, грусть, гендерная лингвистика, лингвокультурология, эмоция.

COGNITIVE SCENARIO "SADNESS" IN RUSSIAN AND ENGLISH LINGUOCULTURES

Research article

Burkina Y.V.^{1,*}

¹Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

* Corresponding author (elviskryt[at]yandex.ru)

Abstract

The article presents a comparative analysis of the representation of the cognitive scenario "sadness" in Russian and English linguocultures in diachronic aspect on the material of fiction texts of the XIX and XXI centuries. The cognitive scenarios "a woman experiencing sadness" and "a man experiencing sadness" are modelled. The main and variant episodes that make up these scenarios are determined. The leading linguistic means-representants of the selected episodes within the scenarios are identified. Similarities and differences in the objectification of these scenarios from the perspective of gender are described. It was established that women are more inclined to external non-verbal manifestations of sadness, while men prefer internal living of emotions or direct conversation (more typical for English linguoculture).

Keywords: cognitive scenario, sadness, gender linguistics, linguoculturology, emotion.

Введение

Различные эмоции, такие как гнев, печаль, удивление, радость, грусть имеют универсальные физиологические основы, однако они по-разному концептуализируются в культурах и языках [3]. С этой точки зрения значения, приписываемые языковым выражениям в форме концептуализации, имеют различные свойства, общие с визуальными формами представления в различных культурах и языках. Это делает когнитивную лингвистику потенциально полезной основой для выявления и анализа отношений язык-образ в мультимодальных текстах.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что когнитивная лингвистика и лингвокультурология имеют общее цикличное развитие в области сохранения и передачи знаний о функционировании языка в различные этапы развития человечества [12]. Благодаря когнитивному анализу текстов различных эпох, исследователи получают значимые данные об историческом развитии, социальных факторах, быте народа, в т.ч. особенностях выражения и представления в языке эмоциональных переживаний [11]. Мы считаем, что рассмотрение особенностей отражения в языке эмоциональной сферы одушевленного субъекта целесообразно осуществлять с позиций когнитивного сценария, что позволяет более подробно структурировать и систематизировать ведущие языковые средства выражения данной сферы.

Особо отметим, что представители гендерной лингвистики утверждают, что на восприятие и репрезентацию различных когнитивных сценариев в том или ином языке влияют не только временные этапы, но и гендерная принадлежность человека [9], т.е. мужчины и женщины по-разному интерпретируют и проживают события, происходящие с ними.

В связи с вышесказанным в данной работе представляется актуальным рассмотрение в рамках универсальной эмоции «грусть» особенностей объективации когнитивных сценариев «женщина, испытывающая грусть», «мужчина, испытывающий грусть» на материале двух хронологических периодов: тексты художественной литературы XIX в. (классический период) и современная литература (начиная с 2000г.).

Методы и принципы исследования

Понятие «когнитивный сценарий» в работах ученых определяется по-разному. За основу возьмем определение К.О. Гаус, М.Ю. Рябовой, согласно которому когнитивный сценарий представляет собой сложную структуру, которая

«формируется после трактования текста, вследствие установления ключевых лексем и положений текста и их расположения согласно сценарным рисункам, которые воссоздаются по памяти на основе стандартных, стереотипных значений, закрепленных за терминальными компонентами структуры» [5]. В рамках такого подхода когнитивный сценарий характеризуется как прототипический способ репрезентации в языке различных универсальных феноменов, относящихся к концептосфере человека.

В качестве фактического материала исследования использовались в рамках первого хронологического периода тексты произведений М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», Ф.М. Достоевского «Идиот»; Bronte Charlotte «Jane Eyre»; в рамках второго периода – тексты произведений Я. Вишневского «Одиночество в сети», М. Петросян «Дом, в котором...»; К. Ishiguro «Never Let Me Go».

Из указанного фактического материала исследования методом сплошной выборки были извлечены языковые единицы, объективирующие эмоцию «грусть». На первом этапе выделены единицы с корнем *груст-* в русском языке (*грустить*, *грустный(ая)*, *грустно* и др.) и корнем *sad-* в английском языке (*sadness*, *sadly* и др.). На следующем этапе определены единицы, которые указывают на непосредственное выражение грусти: *плакать*, *печалиться*, *тосковать* и др. (и английские эквиваленты).

Основные результаты

В составе когнитивных сценариев «женщина, испытывающая грусть», «мужчина, испытывающий грусть» мы выделяем ряд последовательно / параллельно развивающихся эпизодов. Рассмотрим особенности репрезентации когнитивного сценария «женщина, испытывающая грусть» на материале первого хронологического периода (XIX в.):

1. «Мало-помалу она приучилась на него смотреть [**зрительный контакт**], сначала исподлобья, искоса [**невербальное проявление грусти**], и все грустила, напевала свои песни[**отвлекающее действие**] вполголоса, так что, бывало, и мне становилось грустно [**вовлечение другого участника в ситуацию**], когда слушал ее из соседней комнаты» [7]. Когнитивный сценарий: зрительный контакт => невербальное проявление грусти => отвлекающее действие => вовлечение другого участника в ситуацию.

2. «Вера все это заметила [**зрительный контакт**]: на ее болезненном лице изображалась глубокая грусть [**невербальное проявление грусти**]; она сидела в тени у окна, погружаясь в широкие кресла [**статичное действие**]... Мне стало жаль ее...» [**вовлечение другого участника в ситуацию**] [7]. Когнитивный сценарий: зрительный контакт => невербальное проявление грусти => статичное действие => вовлечение другого участника в ситуацию.

3. Она сидела неподвижно [**статичное действие**], опустив голову на грудь[**невербальное проявление грусти**]; пред нею на столике была раскрыта книга, но глаза ее, неподвижные и полные неизъяснимой грусти [**невербальное проявление грусти**], казалось, в сотый раз пробегали одну и ту же страницу [**отвлекающее действие**], тогда как мысли ее были далеко... [7]. Когнитивный сценарий: статичное действие => невербальное проявление грусти (повторяющийся эпизод) => отвлекающее действие.

Анализ приведенных и аналогичных примеров репрезентации когнитивного сценария «женщина, испытывающая грусть» в рассматриваемом фактическом материале данного периода позволяет выстроить следующую схему:

зрительный контакт / действие => невербальное проявление грусти (повторяющиеся эпизоды) => отвлекающее действие / статичное действие => вовлечение другого участника в ситуацию (вариативно)

Таким образом, можно выделить наиболее характерные особенности репрезентации когнитивного сценария «женщина, испытывающая грусть» в фактическом материале периода XIX в. Ведущими языковыми средствами выражения начальных эпизодов проживания грустных эмоций выступают глаголы зрительного восприятия (*смотреть*, *взглянуть*, *заметить* и др.), указывающие на установление зрительного контакта с другим участником ситуации (как правило, с объектом, вызывающим такие чувства), а также глаголы действия (преимущественно статичного), которые передают обыденные действия субъекта (*сидела*, *стояла* и др.).

В процессе дальнейшего развертывания когнитивного сценария отмечена демонстрация невербального проявления грусти, что может отражать цепочка вариативных эпизодов, в данном случае ведущими языковыми средствами являются единицы, указывающие на положение бровей (*исподлобья*), глаз (*искоса*), движение головы (*опустить*), изменение функционального состояния (*на лице изображалась грусть*), в составе которых – глаголы и глагольно-адвербиальные сочетания.

Особо хотелось бы отметить тот факт, что в процессе объективации сценария «женщина, испытывающая грусть» в фактическом материале XIX в. за эпизодом непосредственного проявления грусти, как правило, следует эпизод отвлечения субъекта от ситуации (*напевала песни; глаза пробегали одну и ту же страницу* и др.). Достаточно частотными являются также финальные вариативные эпизоды, в которых описывается эмпатия, сочувствие со стороны другого участника ситуации (*мне становилось грустно; мне стало жаль ее...*), которые репрезентированы безличными конструкциями с базовым наречием, передающим состояние сожаления.

Обратимся к примерам объективации когнитивного сценария «мужчина, испытывающий грусть» в текстах фактического материала XIX в.:

1. Воздух был напоен электричеством [**описание природы как создание фона**]. Я углубился в виноградную аллею [**динамичное действие**], ведущую в грот; мне было *грустно*. Я думал о той молодой женщине [**внутреннее проживание эмоций**] с родинкой на щеке, про которую говорил мне доктор... [7]. Когнитивный сценарий: описание природы (фон) => динамичное действие => внутреннее проживание эмоций.

2. На улице было темно и пусто; вокруг собрания или трактира, как угодно, теснился народ; окна его светились; звуки полковой музыки доносил ко мне вечерний ветер [**описание обстановки (фон)**]. Я шел медленно [**динамичное действие**]; мне было *грустно*... Неужели, думал я [**внутреннее проживание эмоций**], мое единственное назначение на земле – разрушать чужие надежды [7]. Когнитивный сценарий: описание обстановки (фон) => динамичное действие => внутреннее проживание эмоций.

3. Он задумался [*внутреннее проживание эмоций*] между прочим о том, что в эпилептическом состоянии его была одна степень почти пред самым припадком (если только припадок приходил наяву), когда вдруг, среди *грусти*, душевного мрака, давления, мгновениями как бы воспламенялся его мозг, и с необыкновенным порывом напрягались разом все жизненные силы его [*внутреннее проживание эмоций*] [6]. Когнитивный сценарий: внутреннее проживание эмоций => внутреннее проживание эмоций (цепочка эпизодов).

Приведенные и аналогичные примеры позволяют представить когнитивный сценарий «мужчина, испытывающий грусть» (фактический материал XIX в.) в виде следующей схемы:

описание природы/ обстановки (фон) => динамичное действие => внутреннее проживание эмоций

Интересным представляется тот факт, что в рамках когнитивного сценария «мужчина, испытывающий грусть» в составе начальных эпизодов отмечены эпизоды описания окружающей обстановки, природы с целью создания определенного эмоционального фона на котором будут разворачиваться последующие эпизоды, это может быть фон, созвучный состоянию субъекта, либо контрастный фон (контекстуальные антонимичные ряды *темно – светились, пусто – теснился*). Эпизоды действий представлены преимущественно глаголами движения, данные эпизоды идут параллельно с эпизодами внутреннего проживания грусти, последние выражены в контексте преимущественно глаголами интеллектуальной деятельности (*думать* и производные), а также с помощью метафор повышенной экспрессии (*мозг воспламенялся, жизненные силы напрягались* и др.).

С целью сопоставления рассмотрим особенности репрезентации когнитивного сценария «женщина, испытывающая грусть» в фактическом материале английского языка (тексты классической художественной литературы XIX в.):

1. I felt so sheltered and befriended [*внутреннее проживание эмоций*] while he sat in the chair near my pillow [*действие второго участника ситуации*]; and as he closed the door after him [*причина грусти*], all the room darkened [*описание обстановки*] and my heart again sank: inexpressible sadness weighed it down [*внутреннее проживание эмоций*] [1]. Когнитивный сценарий: внутреннее проживание эмоций => действие второго участника ситуации => причина грусти => описание обстановки => внутреннее проживание эмоций.

2. I was silent [*внутреннее проживание эмоций*]; Helen had calmed me [*действие второго участника ситуации*]; but in the tranquillity she imparted there was an alloy of inexpressible sadness [*внутреннее проживание эмоций*]. I felt the impression of woe [*внутреннее проживание эмоций*] as she spoke [*причина грусти(неявная)*], but I could not tell whence it came [1]. Когнитивный сценарий: внутреннее проживание эмоций => действие второго участника ситуации => внутреннее проживание эмоций => причина грусти (неявная).

3. Helen she held a little longer than me: she let her go more reluctantly [*динамичное действие*]; it was Helen her eye followed to the door [*зрительный контакт*]; it was for her she a second time breathed a sad sigh [*внешнее проявление эмоций (вздох)*]; for her she wiped a tear from her cheek [*внешнее проявление эмоций (слезы)*] [1]. Когнитивный сценарий: динамичное действие => зрительный контакт => внешнее проявление эмоций (вздох) => внешнее проявление эмоций (слезы).

Представим обобщенно данный когнитивный сценарий в виде следующей схемы:

внутреннее проживание эмоций => зрительный контакт => действие (первого субъекта, второго субъекта) => внутреннее проживание эмоций / внешнее проявление эмоций

В приведенных и аналогичных примерах прослеживается сходство со сценарием «мужчина, испытывающий грусть» (тексты XIX в.), поскольку представлены эпизоды описания окружающей обстановки (как создание соответствующего фона). Особенностью является выделение в английском языке в рамках когнитивного сценария эпизода внешнего проявления грусти. В качестве ведущих языковых средств репрезентации рассматриваемого сценария в английских текстах XIX в. выступают глаголы статичного и динамичного действия (*sat, breathed* и др.), изменения (*darkened*), глаголы выражения определенного состояния (*felt, weighed* и др.), ключевые единицы с корнем *sad-*, маркеры грусти (*tear*).

Представим примеры репрезентации когнитивного сценария «мужчина, испытывающий грусть» в материале указанного периода:

1. “Jane! Jane!” he said [*разговор*], in such an accent of bitter sadness [*невербальное проявление грусти*] it thrilled along every nerve I had [*вовлечение другого участника в ситуацию*]; “you don’t love me, then? [*разговор*] [1]. Когнитивный сценарий: разговор => невербальное проявление грусти => вовлечение другого участника в ситуацию => разговор.

2. ...his hand would tremble and his eye burn [*внешнее и внутреннее проживание эмоций*]. He seemed to say, with his sad and resolute look [*зрительный контакт*], if he did not say it with his lips, “I love you, and I know you prefer me [*внутреннее проживание эмоций (внутренний разговор)*] [1]. Когнитивный сценарий: внешнее и внутреннее проживание эмоций => зрительный контакт => внутреннее проживание эмоций (внутренний разговор).

Приведенные и другие примеры позволили представить обобщенно когнитивный сценарий «мужчина, испытывающий грусть» (тексты XIX в.) в виде схемы:

разговор (вариативно) => невербальное проявление грусти => зрительный контакт => внешнее / внутреннее проживание эмоций

Таким образом, в данных примерах мы видим, что важное место в проживании эмоций грусти у мужчин в рамках рассматриваемого хронологического периода занимает разговор, беседа. Данный факт подтверждается и исследованиями в области речевого поведения англичан и русских в определенных разговорных ситуациях. Так, А.Р. Лобода отмечает, что «интерес к собеседнику – одна из стратегий воспитанности англичан» [8].

Ведущими языковыми средствами-репрезентантами рассматриваемого сценария являются ключевые единицы с корнем *sad-*, интенсификаторы грусти, в роли которых выступают адъективы (*bitter*), глаголы высокой степени проявления эмоционального состояния (*tremble, burn*).

Итак, анализ особенностей объективации когнитивных сценариев «женщина, испытывающая грусть», «мужчина, испытывающий грусть» в текстах русской и английской художественной литературы XIX в. позволяет говорить о ряде сходств в вербализации универсальной эмоции грусти в обеих лингвокультурах. С точки зрения гендера можно отметить следующее: женщины более склонны к внешнему проявлению эмоций (взгляд, положение головы, слезы и т.д.), в то время как мужчины проживают грусть внутри, погружаясь в длительные раздумья. Представители английской лингвокультуры предпочитают обсудить испытываемые эмоции, в то время как в русской культуре XIX в. более распространены ситуации переключения, отвлечения (больше внешнего).

Аналогичным образом проводится рассмотрение особенностей представленности в лингвокультуре когнитивного сценария «грусть» на материале современного периода (тексты современной русской и английской художественной литературы). Сопоставление двух хронологических периодов позволяет выявить определенные трансформации внутри указанного когнитивного сценария.

Рассмотрим примеры объективации когнитивного сценария «женщина, испытывающая грусть» в русском языке на материале текстов современной литературы:

1. Я все еще немножко влюблена, еще полна остатками бессмысленной любви **[внутреннее проживание эмоций]**, и мне так грустно сейчас **[ощущение эмоции-чувства грусти]**, что захотелось кому-нибудь сказать об этом **[вовлечение другого участника в ситуацию]** [4]. Когнитивный сценарий: внутреннее проживание эмоций => ощущение эмоции / чувства грусти => вовлечение другого участника в ситуацию.

2. Ей тогда стало так грустно **[ощущение эмоции-чувства грусти]**. Она коснулась пальцами экрана монитора **[динамичное действие-движение]**. И почувствовала **[внутреннее проживание эмоций]**, что должна ответить **[дальнейшее действие]** [4]. Когнитивный сценарий: ощущение эмоции / чувства грусти => динамичное действие-движение => внутреннее проживание эмоций => дальнейшее действие.

Приведенные и аналогичные примеры позволяют представить обобщенно когнитивный сценарий «женщина, испытывающая грусть» в рамках современного периода следующим образом:

внутреннее проживание эмоций / ощущение эмоции-чувства грусти / динамичное действие => вовлечение другого участника в ситуацию / дальнейшее действие

Важно отметить, что, по сравнению с фактическим материалом предыдущего периода, в современном фактическом материале эпизоды зрительного контакта представлены значительно реже, что объясняется изменением форм и видов коммуникации, которая в настоящее время осуществляется посредством социальных сетей, сотовых телефонов и др., в результате в анализируемых текстах не представлены подробные описания проявления эмоций на невербальном уровне.

В качестве ведущих языковых средств репрезентации рассматриваемого сценария в современном материале выступают ключевые единицы с корнем *груст-*, глаголы интеллектуальной деятельности и чувств, выражающие какие-либо внутренние мотивы, переживания (*захотелось, почувствовала, должна*), а также единицы тематической группы «любовь»; в данном материале достаточно частотны примеры, в которых любовь выступает одной из причин грусти.

Представим примеры когнитивного сценария «мужчина, испытывающий грусть» на материале современного периода:

1. Я достал вторую сигарету и закурил **[динамичное действие]**. Чтобы отделаться от грустных мыслей **[внутреннее проживание эмоций]**, начал перелистывать «Стеклоанный ключ» **[отвлекающее действие]** и незаметно втянулся [10]. Когнитивный сценарий: динамичное действие => внутреннее проживание эмоций => отвлекающее действие.

2. Чем дольше я обо всем этом думал **[внутреннее проживание эмоций]**, тем становилось грустнее **[ощущение эмоции-чувства грусти]**. Я достал последнюю неспрятанную сигарету, закурил и стал смотреть **[отвлекающее действие]**, как дым уплывает к плафону, рассеиваясь в его свете **[описание обстановки (фон)]** [10]. Когнитивный сценарий: внутреннее проживание эмоций => ощущение эмоции-чувства грусти => отвлекающее действие => описание обстановки (фон).

Представим общую схему репрезентации когнитивного сценария «мужчина, испытывающий грусть» в текстах современного периода (приведенные и аналогичные контексты):

действие (вариативно) => внутреннее проживание эмоций / ощущение эмоции-чувства грусти => отвлекающее действие => описание обстановки (фон) (вариативно)

Таким образом, можно отметить определенные сходства в объективации когнитивного сценария «мужчина, испытывающий грусть» в русской лингвокультуре XIX и XX вв., в частности общим эпизодом будет внутреннее проживание эмоций, в рамках которого могут различаться способы этого переживания, эмоционального размышления, например, для современного периода типичным способом будет «закурить сигарету».

Итак, можно выделить определенные особенности репрезентации когнитивного сценария «мужчина, испытывающий грусть» в фактическом материале современного периода. Так, ведущими языковыми средствами выражения начальных эпизодов проживания грустных эмоций могут выступать глаголы действия (*достал, закурил* и др.), дальнейшее развертывание событий, как правило, сопровождается внутренним проживанием эмоций, которые уже выражают глаголы мыслительной деятельности, глагольно-именные конструкции (*думал, отделаться от грустных мыслей* и др.).

В процессе дальнейшего развертывания когнитивного сценария можно выделить демонстрацию отвлекающего действия от грустных мыслей, как правило, представленную обыденными действиями субъекта, что выражают глагольные единицы (*начал перелистывать журнал; достал сигарету, закурил* и др.).

Эпизоды проживания грусти могут также сопровождаться описанием обстановки (фона), которое передает соответствующее состояние субъекта (*дым уплывает, рассеиваясь* и др.).

Представим анализ примеров репрезентации когнитивного сценария «женщина, испытывающая грусть» в текстах современной художественной английской литературы:

1. When I think about Ruth now [внутреннее проживание эмоций], of course, I feel sad she's gone [ощущение эмоции-чувства грусти, причина]; but I also feel really grateful [внутреннее проживание эмоций] for that period we had at the end [вовлечение (мысленно) другого участника в ситуацию] [2]. Когнитивный сценарий: внутреннее проживание эмоций => ощущение эмоции-чувства грусти, причина => внутреннее проживание эмоций => вовлечение другого участника в ситуацию.

2. Maybe you read my mind, and that's why you found it so sad [вовлечение другого участника в ситуацию]. I didn't think it was so sad at [внутреннее проживание эмоций] the time, but now, when I think back [внутреннее проживание эмоций] it does feel a bit sad" [ощущение эмоции-чувства грусти] [2]. Когнитивный сценарий: вовлечение другого участника в ситуацию => внутреннее проживание эмоций => внутреннее проживание эмоций => ощущение эмоции-чувства грусти.

Обобщенно представим в виде схемы когнитивный сценарий «женщина, испытывающая грусть» в рассматриваемом периоде на материале английского языка:

внутреннее проживание эмоций / вовлечение другого участника в ситуацию => внутреннее проживание эмоций / ощущение эмоции-чувства грусти

Как свидетельствуют приведенные и аналогичные примеры, когнитивный сценарий «женщина, испытывающая грусть» в двух рассматриваемых периодах обнаруживает определенные сходства в процессе репрезентации, однако для периода XIX в. в большей степени характерно невербальное проявление грусти, а для современного периода – внутреннее ощущение чувства грусти.

При характеристике языковых средств, используемых в процессе объективации сценария, можно отметить, что внутреннее проживание эмоций репрезентируется в большинстве случаев посредством глагола *think*: *I think about Ruth*; *I didn't think*; *when I think back* и др., а также глаголов чувств (*feel* и др.). При описании процесса, связанного с вовлечением другого участника в ситуацию, используются различные идиоматические выражения (например: *you read my mind* – ты читаешь мои мысли).

Рассмотрим примеры представления когнитивного сценария «мужчина, испытывающий грусть» в текстах современной англоязычной художественной литературы:

1. I had actually been feeling sad since he left [ощущение эмоции-чувства грусти, причина], and I was annoyed at myself for it [внутреннее проживание эмоций] [2]. Когнитивный сценарий: ощущение эмоции-чувства грусти, причина => внутреннее проживание эмоций.

2. Finding it to be a feat all [внутреннее проживание эмоций] too far beyond him, he sank down on the doorstep [динамичное действие] and putting his head in his hands [невербальное проявление грусти], he cried his eyes out [внешнее проявление эмоций (слезы)] [2]. Когнитивный сценарий: внутреннее проживание эмоций => динамичное действие => невербальное проявление грусти => внешнее проявление эмоций (слезы).

Таким образом, в общем плане когнитивный сценарий «мужчина, испытывающий грусть» в текстах современной англоязычной художественной литературы можно представить как:

действие (вариативно) => внутреннее проживание эмоций

Представленный сценарий также фрагментарно совпадает с рассмотренными выше примерами, представляющими репрезентацию когнитивного сценария «грусть» с точки зрения гендеров и различных эпох.

Ведущими языковыми средствами-репрезентантами рассматриваемого сценария являются устойчивые выражения, используемые в процессе описания внутренних эмоций (*to be a feat all* и др.); глаголы высокой степени проявления эмоционального состояния (например, *he cried his eyes out*). Демонстрация процесса невербального проявления грусти реализована в рассматриваемых эпизодах посредством языковых единиц, указывающих на изменение положения тела в пространстве (например, *he sank down on the doorstep*), различные передвижения, действия.

Заключение

Рассмотрение особенностей объективации когнитивного сценария «грусть» на материале текстов различных хронологических периодов русской и английской лингвокультур (XIX в. и XXI в.) позволяет сделать вывод о том, что процесс проживания такой эмоции, как «грусть», обнаруживает сходства в рамках двух периодов. Важным компонентом когнитивного сценария «грусть» в русской и английской лингвокультурах является вовлечение другого участника в ситуацию и его последующая эмпатия (сочувствие) к лицу, испытывающему грусть. В качестве интенсификаторов состояния субъекта выступают эпизоды описания окружающей среды (фона) или природных явлений, которые совпадают или контрастируют с описанием настроения участника ситуации.

С точки зрения гендера анализ фактического материала показал, что для женщин более свойственно невербальное проявление грусти (опущенный взгляд, опустить голову в руки, слезы), в то время как мужчины предпочитают проживать процесс грусти в себе (долгие размышления, анализ), либо прибегая к разговору (последнее более свойственно для английской лингвокультуры).

В общем плане когнитивный сценарий «грусть» в рамках указанного фактического материала можно представить следующим образом: *действие (статичное или динамичное) / зрительный контакт => внутреннее проживание эмоций => разговор (вариативно) => внешнее проявление эмоций / невербальное проявление грусти.*

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Bronte C. Jane Eyre / C. Bronte. — Osborne English Readers, 2020. — 48 p.
2. Ishiguro K. Never Let Me Go / K. Ishiguro. — 2022. — 256 p.
3. Karnaze M. Sadness, the Architect of Cognitive Change / M. Karnaze, L. Levine. — 2018. — DOI: 10.1007/978-3-319-77619-4_4.
4. Вишневецкий Я.Л. Одиночество в сети / Я.Л. Вишневецкий. — АСТ, 2023. — 416 с.
5. Гаус К.О. Когнитивный сценарий вербализации концепта threat в медиадискурсе (на материале высказываний Д. Трампа) / К.О. Гаус, М.Ю. Рябова // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2019. — Т. 21. — № 1. — С. 164-170.
6. Достоевский Ф.М. Идиот / Ф.М. Достоевский. — Азбука-Аттикус, 2022. — 640 с.
7. Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени / М.Ю. Лермонтов — Public Domain: Детская и юношеская книга, 2022. — 192 с.
8. Лобода А.Р. Особенности речевого поведения англичан и русских в определенных разговорных ситуациях / А.Р. Лобода // Молодой ученый. — 2022. — № 25 (420). — С. 242-244. — URL: <https://moluch.ru/archive/420/93545/> (дата обращения: 20.02.2024).
9. Островая Ю.С. Гендер и гендерные исследования в лингвистике / Ю.С. Островая // Филологический аспект. — 2021. — № 1(69). — С. 118-123.
10. Петросян М. Дом, в котором... / М. Петросян. — Лайвбук, 2022. — 1168 с.
11. Сулейманова О.А. Когнитивный сценарий процесса языковой категоризации / О.А. Сулейманова, А.А. Водяницкая, М.А. Фомина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. — 2020. — № 17(2). — С. 309-322.
12. Юсупова М.С. Особенности реализации когнитивного сценария в художественном тексте / М.С. Юсупова // Языковая картина мира в условиях мультилингвизма и мультикультурализма: переводческий, лингвистический и дидактический аспекты: Материалы Международной научно-практической конференции, Воронеж, 16-19 декабря 2020 года / Под ред. Л.Г. Кузьминой, Н.А. Фененко. — Воронеж: Издательство Истоки, 2021. — С. 626-635.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Bronte C. Jane Eyre / C. Bronte. — Osborne English Readers, 2020. — 48 p.
2. Ishiguro K. Never Let Me Go / K. Ishiguro. — 2022. — 256 p.
3. Karnaze M. Sadness, the Architect of Cognitive Change / M. Karnaze, L. Levine. — 2018. — DOI: 10.1007/978-3-319-77619-4_4.
4. Wiśniewski Ja.L. Odnochestvo v seti [Loneliness on the Net] / Ja.L. Wiśniewski. — AST, 2023. — 416 p. [in Russian]
5. Gaus K.O. Kognitivnyj scenarij verbalizacii koncepta threat v mediadiskurse (na materiale vyskazyvanij D. Trampa) [Cognitive scenario of verbalization of the concept threat in media discourse (on the material of D. Trump's statements)] / K.O. Gaus, M.Ju. Rjabova // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Kemerovo State University]. — 2019. — Vol. 21. — № 1. — P. 164-170. [in Russian]
6. Dostoevskij F.M. Idiot [The Idiot] / F.M. Dostoevskij. — Azbuka-Attikus, 2022. — 640 p. [in Russian]
7. Lermontov M.Ju. Geroj nashego vremeni [A Hero of Our Time] / M.Ju. Lermontov — Public Domain: Children's and Youth Book, 2022. — 192 p. [in Russian]
8. Loboda A.R. Osobennosti rechevogo povedenija anglichan i russkih v opredelennyh razgovornyh situacijah [Features of speech behaviour of Englishmen and Russians in certain conversational situations] / A.R. Loboda // Molodoj uchenyj [Young Scientist]. — 2022. — № 25 (420). — P. 242-244. — URL: <https://moluch.ru/archive/420/93545/> (accessed: 20.02.2024). [in Russian]
9. Ostrovaja Ju.S. Gender i gendernye issledovanija v lingvistike [Gender and gender studies in linguistics] / Ju.S. Ostrovaja // Filologicheskij aspekt [Philological Aspect]. — 2021. — № 1(69). — P. 118-123. [in Russian]
10. Petrosyan M. Dom, v kotorom... [The Gray House] / M. Petrosyan. — Lajvbuk, 2022. — 1168 p. [in Russian]
11. Sulejmanova O.A. Kognitivnyj scenarij processa jazykovoj kategorizacii [Cognitive scenario of the process of language categorization] / O.A. Sulejmanova, A.A. Vodjanickaja, M.A. Fomina // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Jazyk i literatura [Bulletin of St. Petersburg University. Language and Literature]. — 2020. — № 17(2). — P. 309-322. [in Russian]
12. Jusupova M.S. Osobennosti realizacii kognitivnogo scenarija v hudozhestvennom tekste [Features of cognitive scenario implementation in the art text] / M.S. Jusupova // Jazykovaja kartina mira v uslovijah mul'tilingvizma i mul'tikulturalizma: perevodcheskij, lingvisticheskij i didakticheskij aspekty: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii, Voronezh, 16-19 dekabrja 2020 goda [Linguistic Worldview in the Conditions of Multilingualism and Multiculturalism: translation, linguistic and didactic aspects: Proceedings of the International Scientific and Practical

Conference, Voronezh, 16-19 December 2020] / Ed. by L.G. Kuz'mina, N.A. Fenenko. — Voronezh: Istoki Publishing House, 2021. — P. 626-635. [in Russian]